

УДК 332.012.2

КРИТЕРИИ И УСЛОВИЯ САМОРАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

А. М. Сергеев

В статье представлены возможные направления дополнения концепции саморазвития территориальных социально-экономических систем. Расширяются имеющиеся интерпретации критериев и условий саморазвития территориальных систем, а само это понятие предлагается определять посредством концепта устойчивого развития.

Ключевые слова: критерии и условия саморазвития, регион, саморазвитие территориальных систем, устойчивое развитие, экономический рост, эффективность

Введение

Настоятельная необходимость трансформации стратегии пространственного развития России в настоящее время признается практически всеми. Концепция саморазвития территориальных социально-экономических систем, разработанная академиком А.И. Татаркиным, его коллегами и учениками, выступает, по сути дела, фундаментальным исходным представлением о пространственной организации российской экономики.

Именно эта новая модель пространственного развития страны, по мнению автора концепции, позволяет обеспечить высокие социальные и экономические показатели территории, создать, с одной стороны, каркас инновационных территориальных центров экономического роста, а с другой — управлять этими процессами, выводя на территорию устойчивого развития глубинные и окраинные регионы [15]. Ее практическое применение предоставляет возможность повысить роль региональных и муниципальных систем в решении многих волнующих общественное мнение проблем, в обеспечении сбалансированного и социально ориентированного пространственного развития Российской Федерации за счет активного вовлечения в хозяйственный оборот инициативы, творческого и предпринимательского потенциала малого, среднего и крупного бизнеса, государственных корпораций, учреждений социальной и инфраструктурной направленности [16, с. 9–10].

П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко справедливо обратили внимание на частую в последнее время смену концепций пространственной организации, лежащих в основе российской региональной политики. «Например, на смену политике выравнивания пришла концепция «регионов — локомотивов развития», затем появилась концепция зон опережающего развития, и, наконец, — кластеры. И каждый раз не только чиновники, но эксперты и исследо-

ватели с искренним восторгом провозглашали очередную «новацию» панацеей» [6, с. 10]. Этот феномен можно объяснить, как они полагают, использованием зарубежных достижений, особенно в теоретико-методологической области. Такой подход, с одной стороны, представляет собой продуктивный прием, гарантирующий нахождение в центре теоретического мейнстрима, но с другой — обычно приводит к эклектике и некритичному восприятию конкретного исторического, географического и экономического контекста.

Подчеркнем, что концепция саморазвития территориальных систем — интеллектуальный продукт отечественной экономической мысли, уральской научной школы региональной экономики. В определенной мере она основана на идее регионального хозяйственного расчета, активно обсуждаемого еще во время проведения экономических реформ советского периода.

По своей сути концептуальная конструкция, выступая условием построения количественных моделей экономической действительности, в первую очередь должна без малозначительных деталей отражать качество или сущность изучаемого явления (процесса). Но вместе с тем она содержит в себе потенциальные возможности для конкретизации сформулированного представления, более детального раскрытия базовых понятий, придания им новых смыслов и интерпретаций. При этом значимые в прошлом грани обсуждаемого явления, а также некоторые аспекты интерпретаций и/или смыслов могут потерять свое значение в контексте настоящего, и наоборот.

Поэтому цель настоящей статьи заключается в обосновании некоторых возможных дополнений этой концепции, не нарушающих ее целостность и допускающих в дальнейшем возможность практического применения, на основе теоретических исследований ряда крупных российских и зарубежных ученых,

современных мировых трендов трактовки экономического развития.

Определение понятия саморазвития территориальных систем и интерпретация его критериев

Пожалуй, наиболее дискуссионным и обсуждаемым в научной литературе вопросом стало определение самого понятия «саморазвитие территориальных систем». Это неудивительно, поскольку базовые категории всегда задают атрибутивные признаки и уровень конкретности концептуального представления.

Какой же смысл вкладывается в этот термин? Согласно одной из первых трактовок этого основного понятия, под саморазвитием региона следует понимать способность территории в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет собственных доходных источников [17, с. 32].

Интерпретация содержания данного определения в целях практического использования представлена, например, в работе Е.А. Захарчук и А.Ф. Пасынкова [3]. По их мнению, в приведенном выше определении саморазвивающихся регионов заложено два основных критерия отнесения территорий к данной категории: 1) расширенное воспроизводство валового регионального продукта и 2) обеспеченность данного процесса собственными доходными источниками.

Первый из этих критериев достаточно удобен для практического применения, поскольку показатель «валовый региональный продукт (валовая добавленная стоимость региона)», характеризующий производство товаров и услуг территории, рассчитывается в регионах РФ органами государственной статистики в соответствии с методологическим подходом Системы национальных счетов. Расширенное воспроизводство ВРП означает обеспечение положительных темпов его роста. Но саморазвитие региона относительно и является, полагают они, величиной усредненной по отношению к системе более высокого порядка — национальной экономике. Тогда под саморазвитием территории по критерию ВРП понимается опережающее развитие экономики региона в сравнении со среднегодовыми темпами экономического роста по Российской Федерации в целом.

Второй критерий — обеспеченность расширенного воспроизводства валового регионального продукта собственными доходными источниками — справедливо представляется указанным авторам менее операциональным,

то есть достаточно сложен с практической точки зрения и информационного наполнения данными, поскольку определить доходные источники всех субъектов хозяйственной деятельности региона при современной системе учета финансовых потоков на уровне территории довольно затруднительно. Многие исследователи считают, что вполне допустимо косвенно оценить финансовую самодостаточность регионов как обеспеченность их бюджетов собственными ресурсами при рассмотрении бюджетного баланса территорий. Тогда, если собственных доходных источников достаточно для наполнения бюджета территории, то можно говорить о ее эффективности и саморазвитии.

Однако рассмотрение саморазвития по критерию достаточности собственных средств через сопоставление источников наполнения консолидированного бюджета территории, как полагают Е.А. Захарчук и А.Ф. Пасынков, не совсем корректно. При рассмотрении саморазвития территории более объективен подход к определению самодостаточности региональных бюджетов, основанный на сопоставлении налоговых платежей во все уровни бюджетной системы и расходов, произведенных на данной территории из консолидированного бюджета, так как это показывает, насколько расходы бюджета обеспечены собственной налоговой базой [3, с. 38].

Но в современных российских реалиях и, по-видимому, в ближайшей перспективе во многом теряют смысл приведенные выше способы оценки финансовой самодостаточности регионов как одного из критериев саморазвития территории, поскольку практически у всех регионов России сохраняется и нарастает дефицит бюджета при сокращении расходов в реальном выражении и значительной дифференциации территорий по долговой нагрузке [1]. Типовым примером здесь может служить бюджет Свердловской области, который характеризуется тенденцией увеличения дефицита при росте расходной и снижении доходной части [4].

В период экономического кризиса действительно можно «в первом приближении» определить саморазвитие территорий по критерию ВРП через сравнительную характеристику устойчивости экономики региона к внешним воздействиям — у «сильных» регионов спад будет менее выражен, чем у «слабых» [3, с. 36]. Однако при этом, как представляется, следует корректно учесть влияние экзогенно заданных, то есть не зависящих или мало зависящих от усилий субъектов региональной экономики рентообразующих факторов (общей рыночной

конъюнктуры, особенностей исторически сложившейся структуры экономики региона, географического расположения, природно-климатических условий, запасов природных ресурсов и т. д.).

Заметим, что в более позднем и расширенном определении саморазвитие территориальных социально-экономических систем рассматривается как устойчивая способность региона (муниципального образования) в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечить расширенное воспроизводство ВРП за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и общенациональных приоритетов, так и внутрирегиональных целевых установок системного характера [16, с. 12].

В период рецессии российской экономики и острого дефицита финансовых ресурсов для восстановления расширенного воспроизводства ВРП перспективным и *концептуально* важным, на наш взгляд, является использование на региональном уровне подхода известного специалиста по проблемам экономического роста и развития Д. Родрика. По его утверждению, дорога к экономическому росту и развитию открывается лишь в ходе постепенного накопления возможностей в самых разных сферах — от навыков и технологий до общественных институтов [9, с. 373]. Каждая территориальная система, максимально используя собственные ресурсы, должна найти свой путь к устойчивым формам экономического роста.

Поясняя принципы разработанного им алгоритма «диагностики роста» [10, 19], Д. Родрик подчеркивает, что экономисты не ищут самое лучшее из возможных описание изучаемого рынка, региона или страны, поскольку такое описание было бы слишком сложным и потому бесполезным. Они ищут модель, которая выведет на первый план *главную действующую причину или причины*. Эта модель станет лучшим объяснением происходящего и с наибольшей вероятностью сумеет предсказать последствия наших действий. «Корректной» будет только та экономическая модель, которая выявляет критически важные связи, позволяя понять, что из происходящего является настоящей причиной.

Дерево решений, созданное на основе алгоритма «диагностики роста», предусматривает, во-первых, нахождение ключевых препятствий для экономического роста, и, во-вторых, выбор моделей (мер), способных в рамках существующих макроэкономических, админи-

стративных и политических условий снять или существенно смягчить основные ограничения. Достоинство диагностического анализа в том, что он позволяет выявить ряд критически важных проблемных зон — ограничителей роста для разных территориальных систем и не предполагает, будто одна и та же модель подходит для всех.

Более того, выбор модели представляет собой не разовое решение, а динамический процесс ее непрерывной верификации. Он заключается в постоянном переключении между моделями-кандидатами и «реальным миром» и содержит комбинацию четырех стратегий: 1) проверить критически важные предпосылки модели на предмет того, насколько они отражают особенности рассматриваемой ситуации; 2) проверить, действительно ли работают заявленные в модели механизмы; 3) проверить, подтверждаются ли прямые следствия из модели; 4) проверить, соответствуют ли в целом наблюдаемым результатам побочные следствия [10, с. 117].

Таким образом, «диагностика роста», включающая тщательную эмпирическую проверку теоретических схем и построений, позволяет выявить и по возможности разблокировать препятствия для экономического роста, определить стратегически достижимую «производственную функцию» или своеобразную «границу производственных возможностей» экономики региона, в принципе оценить предполагаемую динамику роста ВРП и возможность присвоения территории «статуса» саморазвивающейся.

Вместе с тем, как подчеркивает А.Д. Непкелов [7, с. 10–11], понятие экономического роста, в целом основанное на анализе динамики во времени объема «совокупного продукта», упрощает, «сплющивает» сложную многомерную (векторную) реальность до простого скалярного представления. Недостатки, внутренне присущие этому подходу (который, напомним, последовательно реализуется в СНС), хорошо известны. Прежде всего, он не позволяет учесть виды экономической деятельности, результаты которых не становятся объектом рыночных сделок. Наиболее широкое распространение получило использование не одного, а системы измерителей социально-экономического прогресса. Для оценки общего экономического развития стали применяться многие показатели, начали активно конструироваться разнообразные индексы, нацеленные на формирование обобщенной характеристики какой-либо части экономической дея-

тельности. Следствием этого стало разведение понятий «экономический рост» и «экономическое развитие», что улучшает наше понимание результатов экономической деятельности и ее эффективности.

Показатель ВВП становится все менее подходящим для постиндустриальной экономики, в которой определяющую роль играют инновации, услуги и нематериальные блага [5]. Сетевые взаимодействия, кластерные формы организации реального сектора основаны преимущественно на «отношенческой» (по терминологии О. Уильямсона), а не чисто рыночной контрактации, и поэтому не отражаются в полной мере в стоимостном объеме «совокупного продукта».

Некорректность отождествления роста и развития следует, далее, и из системного подхода, который «позволяет выявить наиболее общие закономерности развития любых социально-экономических систем, выделить основания для их классификации, выявления источников развития, определить способы изучения возникающих в рамках данной проблематики вопросов функционирования систем» [16, с. 12]. Согласно этому подходу, под развитием следует понимать качественные изменения состава, структуры, связей и функционирования системы. Количественные же изменения системы выражает понятие «рост», его темпы и направление.

Поэтому важным аспектом конкретизации и более детального раскрытия базового понятия саморазвития территориальных социально-экономических систем выступает, на наш взгляд, его последовательная трактовка в концепте *устойчивого развития*, а не только в стандартных показателях экономического роста, то есть положительных темпов (расширенного воспроизводства) ВРП.

Сам термин «устойчивое социально-экономическое развитие», предложенный еще на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (1992 г.), означает процесс, направленный на повышение качества жизни и здоровья населения, обеспечение национальной и международной безопасности и органично сочетающийся с сохранением экосистем, биоразнообразия, высокого качества окружающей среды. Он предполагает такой способ решения социально-экономических и экологических проблем, который обеспечил бы создание достойных условий жизни не только ныне живущим, но и будущим поколениям.

В общем виде критерий устойчивого развития может быть сформулирован следующим

образом: экономическая система в состоянии поддерживать соответствующий требованиям времени уровень общественного благосостояния, а природная среда — усваивать отходы деятельности и поддерживать материальные основы экономики. В рекомендациях ОЭСР отмечено, что устойчивое социально-экономическое развитие следует рассматривать с позиции качественных и количественных изменений, выражающихся в динамичном развитии сфер и направлений экономической деятельности и повышении качества жизни населения, а его уровень обусловлен взаимодействием факторов экономического, природно-экологического, социального и политического характера [20].

Одно из важных решений крупнейшей в XXI в. Конференции ООН по устойчивому развитию (2012 г.) — необходимость разработки целей устойчивого развития и соответствующих индикаторов для оценки их достижения, а также становления «эффективного управления» устойчивостью. Одобренная на ней Концепция целей устойчивого развития (Цели развития тысячелетия ООН) включает такие направления, как обеспечение растущего уровня жизни населения, комфортное проживание людей, возможности для учебы и отдыха, ведение бизнеса и т. д. Возможный подход к построению системы индикаторов устойчивого развития для российских регионов на основе адаптации Целей развития тысячелетия ООН был предложен, например, в работе [2].

Поскольку устойчивое развитие может быть обеспечено только на основе усиления инновационных процессов, все более широкого использования информационно-коммуникационных технологий, перспективным представляется применение индекса региональной сетевой готовности, позволяющего сравнивать развитие различных регионов по формированию сетевой информационно-компьютерной инфраструктуры [12]. Индекс основывается на оценке факторов информационного развития и использования сетевых технологий в основных сферах жизнедеятельности территорий, а его структура адаптирована для исследования российских регионов.

Условия саморазвития территориальных социально-экономических систем

Рассмотрим в общих чертах одну из ключевых, на наш взгляд, задач развития рассматриваемой концепции — необходимость осмысления саморазвития территориальных социально-экономических систем и условий его реализации в терминах *эффективности*.

Действительно, по сути дела саморазвитие территорий предполагает эффективное использование собственных ресурсов и обусловлено этим. Введенное неоклассической теорией понятие аллокативной эффективности, связанное с оптимальным распределением ресурсов, является по своей природе статичным и в «чистом» виде мало подходит для анализа динамического процесса развития. Требуется рассмотрение эффективности в ином смысле, чем простая эффективность размещения ограниченных ресурсов по критерию Парето или его модификациям.

Значительно более предпочтительным представляется применение концепта адаптивной эффективности, предложенного Д. Нормом. Она относится скорее к институтам, формирующим направление развития экономической системы во времени и «связана с тем, насколько сильно стремление общества к обучению и приобретению знаний, к поощрению инноваций, к риску и разнообразным видам творческой деятельности, а также к решению проблем и расширению «узких мест», мешающих развитию общества» [8, с. 89]. Чем выше адаптивная эффективность, то есть готовность общества приобретать знания и умения, поощрять новое, тем легче, с минимальными общими потерями, происходят необходимые для саморазвития институциональные и структурные изменения.

Несколько шире и более практически применимо определяет эти два основных типа эффективности О.С. Сухарев [13, с. 229]. По его мнению, аллокативная эффективность описывает, насколько продуктивно распределяются те или иные ресурсы, а также насколько экономно они используются. Адаптивная же эффективность характеризует успешность (результативность) в приспособлении различных подсистем к внешнему окружению, риски хозяйственной деятельности, склонность к инновациям, потребность в различных видах деятельности и др., а подход к ее измерению может быть основан на оценке дисфункциональности системы. При этом общая эффективность экономической системы определяется неким соотношением аллокативной и адаптивной эффективностей.

Сочетание аллокативной и адаптивной эффективностей косвенно отражено и в характеристике теории саморазвития систем А.И. Татаркина, предложенной Е.В. Поповым. Он утверждает, что эта теория определяет «возможную схему развития экономических систем, прежде всего региональных систем, при

опоре на собственные ресурсы и возможности оптимального использования данных ресурсов в условиях формирования адекватной институциональной среды» [11, с. 672].

Устойчивое развитие территориальных систем, таким образом, предполагает согласованное развитие национальной социально-экономической системы и их солидарные усилия по минимизации рисков и распределению полномочий и ответственности. Поэтому принципиально важным является трактовка процесса саморазвития территориальных социально-экономических систем как настоящей потребности федерального устройства России. Соответственно, главная задача федеративной формы государственного устройства — в создании условий и макроэкономического плацдарма для расширения возможностей каждого субъекта Федерации обеспечивать свое социально-экономическое развитие с учетом территориальных особенностей (исторических, структурных, этнических, природно-климатических и др.) без мелочной опеки и жестких команд из федерального центра [16, с. 10–11].

В рассматриваемой концепции выделены системообразующие условия саморазвития территориальных систем — «внутренняя самодостаточность» и «внешняя среда». Первое из них характеризует наличие собственных ресурсов и возможность их оптимального использования, а второе — необходимость формирования соответствующей институциональной среды, обеспечивающей устойчивое саморазвитие региональных систем в стратегической перспективе.

В более развернутой формулировке внутренняя самодостаточность представляет собой способность региональной системы поддерживать организационную целостность и обеспечивать долговременную устойчивость регионального развития за счет: необходимых и достаточных ресурсов, производственных и инфраструктурных возможностей; объективно определенной цели и миссии саморазвития региона; внутрирегиональных производственных и иных систем, способных перенастраиваться под воздействием изменяющихся внутренних и внешних факторов и обстоятельств. Внешняя среда — это совокупность политико-идеологических, законодательных и макроэкономических (налоговых, бюджетных, кредитных, имущественных и др.) условий, обеспечивающих саморазвитие региональных систем, наиболее полное и результативное использование территориальных возможностей

и ресурсов для реализации общефедеральных и региональных целевых задач [16, с. 12–13, 16].

Нетрудно заметить, что в случае первого условия саморазвития региона — внутренней самодостаточности — речь идет об определенном уровне и соотношении аллокативной и адаптивной эффективности. Поэтому стратегическим направлением развития рассматриваемой концепции должна стать разработка соответствующих аналитических моделей оценки общей эффективности территориальных систем.

Исследование возможности или перспектив реализации второго системообразующего условия (адекватная внешняя среда), в свою очередь, требуют применения методов и инструментов эволюционно-институциональной теории и, в частности, теории институциональных изменений на макроэкономическом уровне.

Заключение

Постепенно приходит, как подчеркивали А.И. Татаркин и Е.Г. Анимица, понимание того, что системное преобразование экономического пространства страны следует основывать на положениях *парадигмы саморазвития*

территориальных экономических систем, на принципах полицентризма, указывающих на необходимость превращения централизованного экономического пространства в полицентричное сетевое-узловое [14, с. 19].

Понятие саморазвития регионов начинает использоваться в официальных государственных документах. Так, в подразделе об экономическом росте новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [18] одним из главных направлений обеспечения безопасности на региональном уровне определено создание механизма сокращения социально-экономической дифференциации между субъектами РФ (ст. 65), а угрозы диспропорций развития регионов целесообразно устранять путем стимулирования их «самостоятельного экономического развития», укрепления «бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений» (ст. 66).

Идеи концепции саморазвития территориальных социально-экономических систем во многом еще ждут своего теоретического и практического воплощения. От того, насколько это удастся, в значительной мере будет зависеть будущее российской экономики и государства.

Список источников

1. Акиндинова Н., Чернявский А., Чепель А. Региональные бюджеты в условиях кризиса: можно ли достичь сбалансированности? // Вопросы экономики. — 2016. — № 10. — С. 31–48.
2. Бобылев С. Н., Соловьева С. В., Ситкина К. С. Индикаторы устойчивого развития Уральского региона // Экономика региона. — 2013. — № 2. — С. 10–16.
3. Захарчук Е. А., Пасынков А. Ф. Признаки и свойства саморазвивающихся социально-экономических систем // Экономика региона. — 2010. — № 4. — С. 32–39.
4. Кашина Т. О., Наслунга К. С. Анализ проблем регионального бюджета Свердловской области // Журнал экономической теории. — 2016. — № 4. — С. 53–64.
5. Койл Д. ВВП: краткая история, рассказанная с пиететом. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 176 с.
6. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. — 2010. — № 3 — С. 7–26.
7. Некипелов А. Д. К вопросу об экономическом росте и экономическом развитии // Журнал экономической теории. — 2013. — № 4. — С. 10–12.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
9. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 576 с.
10. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 256 с.
11. Попов Е. В. Институты. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — 712 с.
12. Попов Е. В. Сети. — Екатеринбург: Издательство АМБ, 2016. — 168 с.
13. Сухарев О. С. Эволюционная экономика. Институты — структура, кризисы — рост, технологии — эффективность. — М.: Финансы и статистика, 2012. — 800 с.
14. Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. — 2012. — № 3. — С. 11–21.
15. Татаркин А. И. Историческая миссия срединного региона в модернизации российской экономики // Федерализм. — 2011. — № 1. — С. 19–30.

16. *Татаркин А. И.* Саморазвитие территориальных социально- экономических систем как потребность федеративного обустройства России // Экономика региона. — 2013. — № 4. — С. 9–24.
17. *Татаркин А. И., Татаркин Д. А.* Саморазвивающиеся регионы: макроэкономические условия формирования и механизмы функционирования // Научный эксперт. — 2009. — Вып. 1–2. — С. 32–54.
18. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. — 2015. — 31 декабря.
19. *Rodrik D.* Diagnostics before Prescription // Journal of Economic Perspectives. — 2010. — Vol. 24. — No. 3. — P. 33–44.
20. Towards Sustainable Development. Indicators Measure Progress. Rome Conference. — OESD, 1998.